

Автор: Куцак И. (Украина)

□□□ Детство и зрелость

По радио сообщают, что в европейской прессе оживленно обсуждают, был Милан Кундера в юности сексотом или не был. А я читаю в этот момент Кундеру и понимаю, что рукописи не горят и что они давно и надежно живут своей жизнью, независимой от жизни автора, и что мне все равно, кем он, автор, был или не был.

Его романы пронзают изумляющей сочностью и щемящей искренностью, легкостью и яркостью метафор. Неожданность образов покоряет и дарит наслаждение. Как-то в беседе с соратницей по экзистенциальному проекту я услышала: «Кундера — ничего такого...» В общем, не оправдал ожиданий Кундера и впечатления на даму не произвел. Комично, как в анекдоте про лошадь, упавшую у финиша и устало выдохнувшую: «Ну, не смогла я впечатлить...».

Можно далее по стандартному «экзистенциальному» лекалу кроить: «А чего такого ждете? А кто это вам сделает? Даже заплатить готовы? А что у вас есть?»

Но: «...не сравнивай — живущий несравним...»

С-равнение — мыслительная операция, которой должен овладеть ребенок старшего дошкольного возраста и которая, как известно, не имеет пределов совершенствования. И образность мышления развивается приблизительно в том же возрасте. А ведь как по-разному мы чувствуем. Может быть, в процессе выживания эволюционирует как раз «человек нечувствующий»? Так ли уж жизненно важны способности эмоционального воображения (как Кундера называл сострадание)? Интересно, когда они начинают усыхать или плесневеть?

Так вот, о детях и взрослых. При близком рассмотрении в романах Кундеры дети проявляются как-то пунктирно. Вот они, плоды любви, увешивающие мужчину. И он, подобный древу, обремененный младенцами, лишенный отцовского авторитета, сам как дитя играет воздушными змеями, создавая иллюзию управления... Материнство — наибольшая ценность в жизни женщины, и оно при этом — великая жертва. Женщина Кундеры двулика. Иногда с «пресыщенным, рассеянным, самодовольным, а подчас даже непонятно почему злым лицом», не уступающая дороги, не желающая быть слабее других, сурово смотрящая перед собой, вооруженная «психологией лифчика», как острым зонтом. Но, и сама того не ведая, она творит свою жизнь по законам красоты

даже в пору самой глубокой безысходности. Когда с нее срывают маску и продолжают раздевать, когда не остается собственной судьбы, собственного имени — она никогда и никому не сможет объяснить — кто она такая. Начало — ее имя.

Ее, женщину, затравливают сбившиеся в стаю дети в Таминином сне («Книга смеха и забвения»). Внезапно невинное детство проявляет себя как полнейший ужас, как капкан, из которого не выбраться. Мир, в котором мы рождаемся — концлагерь, уничтожающий личную жизнь, стирающий границы интимного, выставяющий напоказ потаенное, заставляющий маршировать строем и громко петь песни, заселенный детьми-палачами.

В «Невыносимой легкости бытия» именно безжалостные и жестокие дети закапывают по шею в землю птицу, ломая ее крылья. И тут мне вспоминаются слова песни времен «пионерских лагерей», которую мы пели в хоре («Раненая птица в руки не давалась...») — о том, как птицы, рыбы и звери в души людям смотрят. В романах Кундеры эти бессловесные и добрые часто умирают (интересно, что согласно новой гипотезе, человек как вид в будущем станет пищей и будет истреблен животными, эволюционирующими в результате воздействия им самим запущенных в природу мутагенов).

Человечество бежит за тревогой небытия, судорожно хватая полы страха. Все проще: человек уничтожает себя сам. Ищущие свой вечный дом и находящие домовину, слепые дети грубо натываются друг на друга и жестоко давят в сутолоке себе подобных. Так дет-ская наивная мечта о справедливости жизни и красоте мира преобразается в трагедию.

Жизнь, по Кундере, прожитая единожды («единожды — все равно, что никогда») — это слишком недостаточно, чтобы узнать, что она такое. Человеку этого мало даже для того, чтобы узнать о себе, был ли он хорошим или плохим; любил ли он кого-то или это была лишь иллюзия любви. Человек без памяти и иронии, считающий, что является тем, что сам про себя думает, просто вступает в старость как в новый для себя опыт, «таким же глупым, как и появился на свет». Наступит ли когда зрелость?

□□□ □□□ Вопросы, на которые нет ответа

Внутреннее пространство романов обозначено полифоническими парами, по-инь-яневски содержащими внутри себя и «черное», и «белое». Динамично взаимодействуют, образуя целостность: легкость и тяжесть, сила и слабость, душа и тело, свет и тьма, жизнь и смерть. От внутренних столкновений, озаряя «наготу прозы» людского существования, как искры, высекаются вопросы, на которые нет ответа.

Мир — большой вопрос. Все неоднозначно и небесспорно.

Например, что такое тело? Ведь «...кто не думает о своем теле, тот еще скорее становится его жертвой...» (это почти как «если вы не думаете о политике, то она задумается о вас»). Тело может быть использовано как вывеска души, а может быть

первым настоящим насилием по отношению к человеку. «Господь по чистой случайности нашел модель тела, чьей душой мы должны стать хотя бы на мгновение ока». А почему нам даны именно такие тела, которые мы имеем? И «...дано мне тело — что мне делать с ним, Таким единым и таким моим?..» И мое ли оно, если возможность выбора отсутствует? Тело — с его роковым безответным несовершенством, над которым неумолимо властвует часовой механизм разложения, обманывает и предает. Тело — с его кровью, его внутренностями, его страданиями — для чего?

Только глаза не стареют, даже если хуже видят. Потому что они — окно души. Веко — «дворник», протирающий глаза, как ветровое стекло, и одновременно «крыло души — трепетное, испуганное, отбивающееся».

Поэзия тела обреалена, утяжелена его экскрементами. Во сне для Терезы желание помочиться является последним доказательством того, что она еще жива. Секреты (как выделения тела) журчанием с ненужной звучностью обнародуют демонстративный отказ от секретов (как интимности). Как метафора омерзительного смешивания, безличия бесконечного количества ртов, составляющих слюнное сообщество — единое человечество — влажное и единообразное — съедает в поцелуе человеческую уникальность. А каково «говно — более сложная теологическая проблема, чем зло. Бог дал человеку свободу, и мы можем, в конце концов, допустить, что он не ответственен за человеческие преступления. Однако ответственность за говно в полной мере несет лишь тот, кто человека создал...» Вот зачем оно человеку? Нельзя ли как-то без него? «Белый цветок» унитаза поддерживает тело, и человеку совершенно все равно, что происходит со вчерашней пищей после того, как над ней поработало тело. Канализационная «Венеция экскрементов» невидима. Однако способность преобразовывать все пережеванное и пережитое свидетельствует о подаренной человеку завидной жизнестойкости.

Кажется, что лишь через уничтожение физического плоть может быть избавлена от вторжения непрошенных, чужих. Огонь крематория владеет энергией абсолютной Смерти и защищает тело от осквернения наготы, посягательства на тайну, покоя, сохраняет личное пространство. В мире, в который мы рождаемся и откуда можем вырваться лишь при величайшем усилии, не удержишься искусственно — это как сохранять глаза Эйнштейна в банке со спиртом, хотя тело давно кремировано — ведь «ученик не может жить без взгляда учителя».

Смерть непрестанно впускаема Жизнью через Любовь. Смерть «...незримо мерещится и заставляет страдать по любимому от тоски в его присутствии...» Через осознание временности и преходящести Любовь проявляет ценность настоящего.

Из машины тела, где лицо — «приборная панель», а механизмы — пищеварение, зрение, слух, дыхание, мышление, вызывает наружу женскую испуганную душу мужской голос. И в ответ мужчина не может устоять перед женщиной, чья душа чутко откликается на его голос.

Но как же во всем этом зарождается такая разная, но невозможная без тайны

любовь: любовь-борьба, а есть и любовь-отказ от силы? Послушаем Кундеру: «...любое, оставшееся после того, как к чувству применили скептицизм — это любовь». А она рождается даже из одной-единственной метафоры спасения, как у Томаша: «...ему казалось, что это ребенок, которого положили в просмоленную корзинку и пустили по реке, чтобы он выловил ее на берег своего ложа...». Делая человека беззащитным, любовь спасает, избавляет от равнодушия через любимое существо, связывающего любящего со всем человечеством.

Любовь проявляется не в желании совокупления, но в желании совместного сна. А иногда героям даже снятся общие сны. В снах вольготно располагается прошлое, отрицая и зачеркивая такое важное настоящее. Сны показывают иллюзорность проживаемой нами реальности и незнакомые, чужие облики наших близких: «...любовь — как верность, страстная привязанность к одному единственному лицу — нет, такого на свете не существует...»

Сны смотрят глазами неосознанных чувств, повторяются, иногда даже умерщвляют, заставляя кричать: «Я же не мертвая! Я все чувствую!»

Господа экзистенциалисты, читайте Кундеру, срывающего маску привычности, побуждающего искать свои пути, непроторенные дороги в деле осмысления своего бытия!